

М. В. АЛПАТОВ

Гибель Святополка в легенде и в иконописи

Среди древнерусских фресок, икон и миниатюр многие представляют собою иллюстрации литературных произведений, и потому для их понимания и истолкования необходимо тщательное их сличение с соответствующими текстами. Изучение иконографии Жития Бориса и Глеба до сих пор заключалось главным образом в поисках литературных прототипов. Сравнивая миниатюры так называемого Сильвестровского Жития Бориса и Глеба (Архив культуры и быта, Москва) с житийными текстами и с Повестью временных лет, Д. В. Айналов пришел к выводу, что эти миниатюры XIV в. восходят к прототипам XII в.¹ Недаром в них представлены червлёные щиты русских воинов, как в «Слове о полку Игореве». Э. С. Смирнова продолжила наблюдения Д. В. Айналова. Обнаружив близость житийных клейм иконы Бориса и Глеба XIV в. из Коломны (Государственная Третьяковская галерея)² с миниатюрами Сильвестровского жития, она установила, что три последних клейма иконы в большей степени соответствуют тексту Сказания о святых мучениках Борисе и Глебе Иакова, чем Чтению о святых мучениках Борисе и Глебе Нестора, где эти эпизоды переданы более лаконично.³

В задачу этой статьи не входит исследование иконографических переводов Жития Бориса и Глеба в древнерусской миниатюре и иконописи и их литературных источников. В ней будут рассмотрены только изображения в древнерусской иконописи последнего эпизода Жития Бориса и Глеба — гибели Святополка. Эпизод этот представляет особый интерес, его иконография проливает свет на то, каким образом древнерусские мастера относились к литературным источникам и каким образом они участвовали в создании легенды.

Икона Бориса, Владимира и Глеба с житием (Государственная Третьяковская галерея), в которой особенно выразительно и ярко представлен конец Святополка, происходит из собрания Филадельфополя. Видимо, этот известный знаток древнерусской живописи получил ее для Румянцевского музея из церкви Иоанна Лествичника в московском Кремле.⁴ Икону эту принято относить к первой четверти XVI в., но более вероятно, что она возникла в самом начале этого века. Во всяком случае по своему харак-

¹ Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3.

² В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи Третьяковской галереи, т. 1. М., 1963, стр. 244.

³ Э. С. Смирнова. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 313.

⁴ В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи Третьяковской галереи, т. II. М., 1964, стр. 60.